

*Дмитрий Валерьевич БАЙДУЖ —
аспирант кафедры археологии, истории
Древнего мира и Средних веков*

УДК 929.713

СФРАГИСТИКА НЕМЕЦКОГО ОРДЕНА XIII В. В ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

АННОТАЦИЯ. Изучение печатей Немецкого ордена, опираясь на солидную традицию, составляет значительный задел в сигиллографии, наибольший вклад внесли немецкие и польские ученые. В исследовании памятников можно выделить несколько этапов, начиная с описания, систематизации и публикации до осмысления печати как носителя социально значимой информации.

The study of seals of the Teutonic Order, basing on solid tradition, makes important contribution in sigillography, the greatest contribution was brought by the German and Polish scientists. In research of monuments it is possible to allocate some stages, since the description, ordering and publication up to judgement of a seal as carrier socially important information.

Исследование сфрагистических памятников Немецкого ордена опирается на прочную традицию, заложенную в XVIII в. [1]. Решение проблемы на строгой научной основе, подразумевающей критическое изучение, систематизацию и качественное археографическое описание памятников с целью их последующей публикации, принадлежит немецким историкам и археографам второй пол. XIX в. [2]. Подавляющее большинство работ, включая современные, посвящены печатям орденских официалов в Пруссии [3]. Появившаяся в 1970 г. монография К. Милитцера, не ставившая самостоятельной исследовательской задачей изучение печатей ордена в немецких землях, тем не менее, стимулировала позднейших исследователей на дальнейшую разработку проблематики [4]. Следует отметить, что специального исследования, посвященного печатям ордена в имперских землях, не существует до сих пор. Отдельные памятники публиковались в фундаментальных сфрагистических каталогах, охватывающих материалы конкретного региона или архива [5]. Печати Немецкого ордена в Святой Земле были частично опубликованы в «Сигиллографии Латинского Востока» Густава Шлюмберже [6], дополненной и изданной после смерти автора; также необходимо указать более новую работу одного из крупнейших современных специалистов в истории крестоносцев Х. Э. Майера, посвятившего свой труд печатям государств крестоносцев [7]. Небольшой обзор наиболее репрезентативных, на его взгляд, образцов орденской сфрагистики дает Джакомо Карло Баскапе [8]. Труд итальянского историка интересен тем, что вплоть до сегодняшнего дня представляет единственную попытку рассмотреть печати Немецкого ордена в контексте визуального ряда сфрагистических памятников иных духовно-рыцарских орденов. Аналогичный подход на материале сфрагистики орденов в Польше являет соответствующий раздел работы М. Гумовского [9], уже затрагивавшего проблематику в ином контексте [10]. Исследования Т. Карчевской и М. Гжегоша, посвященные печатям при Торуньском договоре 1466 г., включают фрагментарные сведения и о более раннем периоде [11]. Как уже отмечалось выше, вплоть до 1990 г. основное внимание историков, среди которых наиболее заметен вклад немецких и польских ученых, было сосредоточено на систематизации и внешнем описании памятников данной специфической группы материальной культуры ордена. Рассматривая печать прежде всего как средство внешней аутентификации докумен-

та, придания ему правовой силы, авторы концентрировали усилия на установлении владельца печати и ее датировке. Иконография печатей как таковая, вне ее роли в систематизации печатей по сюжету изобразительного поля, не привлекала исследовательского внимания.

На фоне сказанного трудно переоценить роль фундаментального иконографического описания порядка 70 орденских печатей, снабженных качественными фотографиями, осуществленного немецким искусствоведом Райнером Кахснитцем [12]; следует отметить, что несколько печатей высших официалов исследователь описал еще в конце 1970-х гг., вместе с иными сфрагистическими памятниками, представляющими эпоху Штауфенов в искусстве средневековой Германии [13]. Наряду с широтой охвата — в каталоге представлены печати большинства баллеев ордена в Святой Земле, немецких землях, а также Пруссии и Ливонии, автор, пожалуй, впервые охарактеризовал совокупность сюжетов памятников как средство выражения благочестия орденских официалов. В один год с выходом каталога в журнале «Der Hergold» появилась обзорная статья Кахснитца, где рассматривались печати официалов ордена в Святой Земле [14]. Выход в свет столь хорошо подобранных памятников во многом стал возможен благодаря материалу, собранному в результате многолетней кропотливой работы и изданному в виде собрания фотокопий Х.-Г. Бемом [15] сотрудником музея Немецкого ордена в Бад Мергентхайме, на что ссылается Кахснитц [16]. За выставкой в Нюрнберге последовали аналогичные музейные мероприятия в иных городах, завершавшиеся публикациями каталогов выставок. Видное место в них занимали печати ордена в его имперских владениях, характеризующиеся Удо Арнольдом как удостоверения орденского идеала [17] и в традиции, положенной Р. Кахснитцем, как свидетельства благочестия его официалов (Арнольд и Кахснитц) [18]; отдельные сфрагистические памятники официалов в Ливонии описал Ф. Беннингхофен [19]. Исследователи, тем не менее, воздерживаются в большинстве случаев от интерпретации изображения на печати как отражения определенных идеологических постулатов, сосредоточивая внимание на внешней стороне сюжета. Роль печатей, монет и гербов как средств пропаганды власти Немецкого ордена одним из первых отметил, вероятно, Мариан Дыго, посвятив им специальный раздел в исследовании о возникновении территориальной власти ордена в Пруссии [20]. Профессор Варшавского университета обратил внимание, что использованием изображений особого рода, например, таких, как переносной крест на печати конвента ордена в Пруссии, братья представляли как *imitatores Christi*, подчеркивалась специфика миссионерской деятельности корпорации в регионе [21].

Важнейшая проблема интерпретации, уяснения и истолкования смыслового содержания сюжета изобразительного поля печати в лучшем случае затрагивалась исследователями фрагментарно. Такого рода попытки мы видим в отдельных случаях уже у Ф. А. Фоссберга в сер. XIX в. [22]. Как правило, они ограничивались констатацией связи изображения с конкретной реальностью орденского бытия, например, соотносительности образа на печати верховного магистра с культом Девы Марии, почитавшейся в ордене в качестве официальной патронессы. Торуньский историк Петр Олинский указал на функцию печати как носителя информации идеологического характера, средства коммуникации, роль которой в условиях неграмотности абсолютного большинства средневекового общества, по мнению исследователя, была высока [23]. Данное утверждение, обоснованное Олинским на материале христологических сюжетов печатей официалов ордена в Кульмской земле, вполне согласуется с общей постановкой вопроса о роли визуального образа как выражения определенного взгляда на действительность и способа воздействия на нее, составляющего одно из основных направлений потестарной имагологии [24]. Вме-

сте с тем, оценивая такой важный критерий визуально репрезентированной власти, как сила ее воздействия, Славомир Южвяк склонен полагать, что смысловая нагрузка сюжетов орденских печатей была недоступна адресатам грамот, выполняя скорее роль визуальной идентификации символа с потентатом [25].

Позиция Южвяка не дает оснований отказаться от рассмотрения печати как средства выражения корпоративной идентичности, самосознания орденских официалов [26]. Развитие исследований, посвященных идеологическим основам орденской власти, заставляют историков обращаться к сфрагистическим памятникам. Данный подход определяется также переоценкой роли визуального образа в средневековой культуре, во многом связанный с деятельностью ряда представителей четвертого поколения школы «Анналов». Важную роль играют труды сторонников иконологического подхода [27], в частности, Я. Трупинды [28]. Печати являются не только наиболее массовым, дающим представление о сюжетном многообразии иконографии Немецкого ордена памятником, но и позволяют проследить существование идеологических моделей, слабо отраженных в письменных памятниках или не отраженных в них вообще, что приобретает особую ценность при исследовании раннего периода существования ордена. Зачастую они являются единственным средством, позволяющим обнаружить определенный мотив самооценки потентата. Вследствие использования во многом отличных изобразительных средств, печать позволяет сравнить письменный и визуальный пути трансляции орденской идеологии, выявить их специфику, уяснить роль и потенциальный круг адресатов каждого из них.

Анализ историографической традиции позволяет сделать выводы двоякого рода. Во-первых, наряду со значительным количеством трудов, ставящих целью как публикацию систематизированного сообразно с определенными критериями сфрагистического материала, так и иконографическое описание отдельных памятников или их групп, определенное количество печатей, как указывал Р. Кахснитц, все еще не опубликовано и неизвестно [29]. Подобные пробелы зависят как от самого состояния исследований [30], так и от безвозвратной утраты многих памятников. Работы исследователей XIX в., при всей условности воспроизведения ими внешнего вида памятника (в большинстве случаев в виде прорисовки, зачастую искажающей его), ценны, прежде всего, тем, что позволяют составить представление о целом ряде утраченных к настоящему времени печатей.

Вплоть до настоящего времени печать зачастую рассматривается лишь в одной из ее функций, в качестве инструмента правового удостоверения документа. При подобном подходе игнорируется целый ряд не менее важной информации, могущей предоставить весьма интересные сведения как о функционировании образа власти, так и о специфике сознания средневекового человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Blivemitz J. Von denen Land- und Hohemeisterlichen Siegeln in Preußen // Erleutertes Preußen. Bd. I. Königsberg, 1724. S. 824-835; Lilienthal. Von denen Siegeln des Teutschen Ordens // Ibid. Bd. II. Königsberg, 1725. S. 1-39; Ibid. Nachlese von denen Siegeln des Teutschen Ordens // Ibid. Bd. IV. Königsberg, 1728. S. 547-562.

2. Vossberg F. A. Geschichte der preußischen Münzen und Siegel von frühester Zeit bis zum Ende der Herrschaft des Deutschen Ordens. Berlin, 1843; Toll R. v., Sachssendahl J. Est- und Livlandische Brieflage. Teil IV: Siegel und Munzen der weltlichen und geistlichen Gebietiger über Liv-, Est- und Curland bis zum Jahre 1561. Reval, 1887; Engel B. Die mittelalterlichen Siegel des Thorner Rathsarchivs, mit besonderer Berücksichtigung des Ordenslandes. Thorn, 1894. Theil I; Dudik B. Des Hohen Deutschen Ritterordens Münzsammlung in Wien. Wien, 1858.

4. Hirsch T. Neu entdeckte Danziger Urkunden und Siegel // Neue Preußische Provinzial-Blätter. Bd. 10. 1850. S. 196; Conrad G. Das Elbinger Komtursiegel // Deutsche Herold. Bd. 27.

1896. S. 149-150; Schmid B. Die Siegel des Deutschen Ordens in Preußen // *Altpreußische Forschungen*. Jg. 14. 1937. S. 179-186, Jg. 15. 1938. S. 63-75.

5. Militzer K. Die Entstehung der Deutschordensballeien im Deutschen Reich (Quellen und Studien zur Geschichte des Deutschen Ordens 16). Bonn-Bad Godesberg, 1970.

6. Engel B. Op. cit.; *Corpus sigillorum neerlandicorum. De Nederlandssche zegels tot 1300*, s'Gravenhage 1937-1940; Ewald W. Rheinische Siegel 4: Siegel der Stifte, Klöster und geistlichen Dignitäre (Publikationen der Gesellschaft für rheinische Geschichtskunde 27). Bonn, 1937-41; Libor J. Peceti rytirských duchovnich radu v Cechach a na Morave 1189-1310 // *Zpravy krajskeho vlastivedneho muzea v Olomuci* 246. 1987. S. 1-27; Mestdagh J. H. De Vey. Die Siegel des Deutschordensarchiv der Ballei Utrecht 1995. 2 Bd., 1200 – 1811 и др.

7. Schlumberger G., Chaladon F., Blanchet A. *Sigillographie de l'Orient latin*. Paris, 1943.

8. Mayer H. E. *Das Siegelwesen in den Kreuzfahrerstaaten*. Munchen, 1978.

9. Bascape G. C. *Sigillografia. Il sigillo nella diplomatica, nel diritto, nella storia, nell'arte*. Bd. 2: *Sigillografia ecclesiastica*. Milano, 1978.

10. Gumowski M. *Sfragistyka Polska*. Wrocław, 1960. S. 219-222.

11. Ibid. *Pieczęcie i herby miast pomorskich (Roczniki TNT, 44)*. Toruń, 1939.

12. Karczewska T. Przegląd pieczęci pruskich z dokumentów traktatu toruńskiego z 1466 roku // *Komunikaty Mazursko-Warmińskie*. 1962. №4 (78). S. 753-779; Grzegorz M. *Analiza dyplomatyczno-sfragistyczna dokumentów traktatu toruńskiego 1466 (Roczniki TNT. T. 75. Z. 1)*. Toruń, 1970.

13. Kahsnitz R. Siegel als Zeugnisse der Frommigkeitgeschichte // *800 Jahre Deutscher Orden: Ausstellung des Germanischen Nationalmuseums Nürnberg in Zusammenarbeit mit der Internationalen Historischen Kommission zur Erforschung des deutschen Ordens / Hrsg. von G. Bott und U. Arnold*. Gutersloh; Munchen, 1990. S. 368-405.

14. *Die Zeit der Staufer. Geschichte, Kunst, Kultur*, hg. v. Reiner Hausserr. Stuttgart, 1977. Bd. 1.

15. Kahsnitz R. Siegel des Deutschen Ordens aus dem Heiligen Land und dem Reich. Das 13. Jahrhundert // *Der Herold*. NF. Bd. 13. Jg. 33. 1990. S. 69-81.

16. Boehm H.-G. *Fränkische Siegel des Deutschen Ordens in Franken*. Ausst. Kat. Bamberg, 1988.

17. Kahsnitz R. Siegel als...S. 372.

18. *Kreuz und Schwert: Der Deutsche Orden in Sudwestdeutschland, in der Schweiz und im Elsass*. Mainau, 1991.

19. *Ritter und Priester: Acht Jahrhunderte Deutscher Orden in Nordwesteuropa*. Alden Biesen, 1992.

20. Dygo M. *Studia nad początkami władztwa Zakonu Niemieckiego w Prusach, 1226-1259*. Warszawa, 1992.

21. Ibid. S. 337.

22. Vossberg F. A. Op. cit.

23. Olinski P. Motywy Chrystologiczne na pieczęciach urzędników krzyżackich ziemi Chelminskiej // *Rocznik grudziadzki*. 2000. S. 11.

24. Бойцов М. А. Что такое потестарная имагология? // *Ключевые проблемы изучения и преподавания Средних веков*. М., 2006. С. 251.

25. Józwiak S. Pieczęcie urzędników krzyżackich jako źródła do badań nad funkcjonowaniem administracji terytorialnej w państwie zakonnym w Prusach w XIV i początkach XV wieku // *Kancelarie krzyżackie. Stan badań i perspektywy badawcze. Materiały z międzynarodowej konferencji naukowej Malbork 18-19 X 2001*, red. J. Trupinda. Malbork 2002. S. 176.

26. Samowsky J. Ritterorden als Landesherren: Münzen und Siegel als Selbstzeugnisse // *Selbstbild und Selbstverständnis der geistlichen Ritterorden*. Torun, 2005. S. 181-198; Kreem J. Einige Bemerkungen über die Siegel der Gebietiger des Deutschen Ordens in Livland // Ibid. S. 213-218.

27. Piech Z. *Ikonografia pieczęci Piastów*. Krakow, 1993.

28. Trupinda J. Ikonografia pieczęci komturów gdańskich // *Rocznik Polskiego Towarzystwa Heraldycznego, n.s. T.V (XVI)*. 2001. S.31-40. В ином труде гданьский историк подводит итоги изучения орденской сфрагистики в Пруссии, см. *Pieczęcie urzędników krzyżackich w Prusach. Stan badań i postulaty badawcze // Zapiski historyczne*. T. LXIX. 2004. Z. 4. S. 111-121.

29. Kahsnitz R. Siegel als...S. 372.

30. Conrad K. Die mittelalterlichen Siegel des ehemaligen Slaatsarchivs Königsberg (Überblick über ein geplantes Siegelwerk) // *Preußenland*, 1997. № 1. S. 1-5.